

Событие жеста

Научный руководитель – Ростова Наталья Николаевна

Маковцев Владимир Станиславович

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра философской антропологии, Москва, Россия

E-mail: vl.makoutsev@gmail.com

Понятие жеста, несмотря на свою многозначность, может быть сведена к двум возможным путям интерпретации. С одной стороны, мы говорим о жесте как части коммуникативного акта, выступая невербальным элементом общения, жест может быть конвертирован в слово, быть его тенью, дополняющей сказанную речь, усиливая его эмоционально. С другой же стороны, жест может быть понят как самостоятельное событие, разворачивающееся в пространстве бытия человека, тем самым ближайшим образом соприкасаясь с такими понятиями как событие, действие, поступок. Границы между двумя возможными тенденциями интерпретации очевидно не являются строго фиксированным, и зависят скорее от точки перспективы исследования, которая в настоящем тексте задана пространством философской антропологии, поэтому наша задача показать, как возможен жест как антропологическое событие, отличается и чем если отличается жест от действия, акта, события, поступка, с которыми жест по нашей изначальной установки ближайшим образом связан. Как отмечает Ф.И. Гиренок «жестовые, мимические и фонетические средства коммуникации старше вербальной коммуникации. И в этом смысле рука предшествует языку в коммуникативном общении. Жест может вступать в конфликт со словом, т.е. жест может говорить одно, а слова - другое. Но «уже-понимание» душ носит дознаковый характер и может вступать в конфликт с невербальными знаками, которые, в свою очередь, могут вступать в конфликт со словом» [1, с.199]. Тем не менее, не оспаривая, что жест старше слова, насколько в таком случае жест изначально вписан в логику коммуникации, в которой первостепенную роль играет слово? А если таковых оснований нет, то о жесте справедливо можно говорит вне языкового контекста.

Жест связан с жестикуляцией, - в этом тривиальном заключении мы схватываем форму жеста и его начало, стоящее за телесностью человека, и прежде всего его рукой. «Только то существо, которое обладает словом, может обладать рукой», - писал Хайдеггер, понимая при этом под словом $\mu\acute{\iota}\theta\omicron\sigma\mu\alpha\varsigma$; $\lambda\omicron\gamma\omicron\sigma\mu\alpha\varsigma$; то есть реченное живое слово, в котором мышление и разворачивающееся пространство суть одно, в печатном же слове, оторванном от человека Хайдеггер находил этом «главную причину уничтожения слова» [2, с.176]. В печатном слове, как фиксированном смысле, сильна коммуникативная составляющая, целиком определяющая функцию письма, но не жеста, с его акцентом на уникальность и идентификацию. «Рукой совершается молитва и убийство, - писал он, - знак приветствия и благодарения, приносится клятва и делается намек, и ею же осуществляется какое-нибудь ремесло («рукоделие»), делается утварь» [2, с.176].

Жест разворачивается пространстве, и в тоже время формирует его, указывая нам на нечто, лежащее по отношению к нему на определенной дистанции. Сам жест формирует эту дистанцию, отделяя человека от предмета его обращения, и не столько даже выделяя его из ряда иных явлений, сколько обозначая, вводя в горизонт сознания. Тем не менее, не каждое движение тела или руки может быть обозначено как жест, что позволяет с нашей стороны заключить о необходимости для понимания жеста оторвать его от его телесности, подобно тому, для существа слова мы должны избегать попыток понять слово через его

словарную форму, в котором слово, лишенное контекста живой речи просто мертво. Скажем, связывая жест с телесностью, И. Мавринский отмечает, что жест «оказывается тем, что может быть прочитано и как поступок, и как событие, т. е. тем, что на уровне тела осуществляет взаимосмену практик рациональности и экзистенции» [3, с.33]. Отрывая жест от тела, мы приписываем его исток собственно разворачивающемуся бытию человека, и вместе с тем это позволяет с одной стороны сближать понимания жеста с поступком, и с другой стороны находить их принципиальные отличия. А именно, поступок - это акт по преимуществу этичный, подразумевающий фигуру Другого, в то время как жест - это акт по преимуществу эстетический, при чем эстетика здесь не только нечто, что вызывает чувство прекрасного, но в своей изначальной связи с теорией познания, тем самым мы подчеркиваем изначальную заданный тезис, что жест не только разворачивается в мире, но и конструирует его. Другой не условие моего жеста, не являясь детерминантой, Другой, с которым я связан в органичном единстве, вторичен по отношению к жесту, в отличие от поступка, в котором Другой неизменно присутствует либо в явной форме, либо скрываясь под обезличенной формой общества, внутри которого разворачивается поступок. «В основе поступка лежит приобщенность к единственному единству, - пишет М. Бахтин, - ответственное не растворяется в специальном (политика), в противном случае мы имеем не поступок, а техническое действие» [4, с.80]. Таким образом, поступок разворачивается в мире, уже изначальным данным человеку, в то время как жест выступает условием конструирования мира, пространства смыслов, внутри которого актуализируется человек.

Поскольку жест как до-языковое явление разворачивается до мира, и парадоксальным образом вместе с ним, жест может быть без смысла, но не может быть бессмысленным, оказываясь за пределами смыслового горизонта, задающийся фигурой Другого. Другой как «возможный мир», и тот, к которому обращено реченное слово, задает пространство и моего мира, что позволяет говорить о Другом как о точке пересечения двух сознаний, но не неким сущем, пусть и психо-физическом сущем. Под миром в данном случае понимается пространство смыслов, внутри которого разворачивается человеческая деятельность в его уникальном событии жизни, что ближайшим образом близко к понятию семиосферы Михаила Лотмана. Вводя понимание жеста как особого события, мы тем самым избавляемся от проблемы вторжения другого в пространство индивидуального мира, избавлены от «тяжести смысла».

К бессмысленному мы подходим с «аршином» смысла, и в этом оно оказывается нулевой или негативным уровнем смысла. Жест не просто действие, поскольку последнее есть результат и условие времени, - жест же вне времени, и в этом становится ясным его вне осмысленная констатация, а также его первичное или дословесное отношение к миру. Время почти всегда тождественно смыслу, поскольку последнее есть результат действия, развернутого или сдвинувшего время. Так скажем, ситуация безвременья есть ситуация ада или отсутствия смысла в отчаянной попытке жажды осмысленности происходящего. При этом мы оставляем открытым вопрос о темпоральной вторичности смысла по отношению к действию. Тем не менее, смысл есть результат, а не условие действия. Такая позиция позволяет вводить бессмысленное как результат отсутствия в действии содержательного смысла.

Говоря о жесте как событию, тем самым лишая его связи со словом, с коммуникативным контекстом разворачивающегося жеста, мы тем самым формируем иное отношение к пониманию человеческого в человеке. Слово оказывается одним из составляющих, но недостаточных оснований формирования понимания человека. Мы узнаем жест по тому следу, который оставляет позади себя человек, и тем самым понимаем жест как элементарную единицу человеческой культуры, оказывающимся в своей единичности, своей индивидуальности мериллом ценности.

Источники и литература

- 1) Гиренок Ф.И. Абсурд и речь. Антропология воображаемого. — М.: Академический Проект, 2012. — 237 с
- 2) Хайдеггер М. Парменид. СПб., «Владимир Даль», 2009.
- 3) Мавринский И.И. Жест как поступок и как событие. // Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2013. Вып. 1.
- 4) Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985. — М., 1986.